

БУДУЩЕЕ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Российское образование. Цивилизационный вектор

«РУСЬ, КУДА Ж НЕСЕШЬСЯ ТЫ?» (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы)* Часть 4

О.Н. СМОЛИН

6. Кризис элит

В соответствии с темой настоящей работы речь в данном случае идет лишь о тех аспектах переживаемого кризиса, которые так или иначе связаны с образованием, включая профессиональную квалификацию и ценностные ориентации.

Кадры решают?..

Падение образовательного уровня населения стало одной из причин кадрового кризиса в стране. Иностранные фирмы, работающие на территории России, в последнее время с тревогой (разумеется, не о России, но о собственных доходах) отмечают утрату страной одного из главных ее конкурентных преимуществ – высококвалифицированной рабочей силы. В советское время любой учитель, врач или управленец повышал квалификацию не реже одного раза в пять лет. С тех пор скорость устаревания знаний резко выросла. Будучи Президентом, Д. Медведев признавал, что в развитых странах 60 – 70% населения повышают квалификацию ежегодно, а в России – лишь около 10% (по другим данным, около 5%). Невозможно отрицать, что декартификация и падение профессионализма – реальная и весьма серьезная угроза для модернизации и национальной безопасности России.

Как представляется, кадровый кризис имеет три источника и одновременно три составных части:

- кризис целей и программ;
- кризис ценностей и идеологии управления;
- кризис образования.

* Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12; ФН. 2014. № 1.

Поскольку последнему посвящена большая часть данной работы, остановимся вкратце на первых двух, ограничившись сферой управления.

✓ *Кризис целей и программ*

Основной показатель профессионализма или непрофессионализма управленческих кадров — мера совпадения объявленных целей и реальных результатов их деятельности. Поскольку в 1990-х гг. Россия переживала не реформы, но очередную революцию (или контрреволюцию — в зависимости от идеологических установок исследователя); поскольку одна из главных сущностных характеристик революции как исторической ситуации заключается в противоположности заявленных целей и реальных последствий, опустим катастрофические результаты политико-управленческой деятельности в «лихие 90-е» и остановимся лишь на относительно успешных 2000-х.

Уровень квалификации правящей политической и управленческой элиты таков, что объявленные ею программы, проекты и политические кампании и в этот период в абсолютном большинстве не достигали поставленных целей, а иногда прямо проваливались.

1. Поставленная Президентом России в 2003 г. задача удвоения ВВП к 2010 г. не только не была выполнена, но, напротив, в период мирового экономического кризиса Россия оказалась рекордсменом падения среди стран как «большой восьмерки», так и «большой двадцатки». Это признал поставивший задачу Президент, ставший к тому времени Председателем Правительства, во время отчета последнего в Государственной Думе в 2010 г.

2. В благоприятный для экономики период 2000 — 2007 гг. темпы экономического роста России были одними из самых низких не только среди стран БРИКС, но и среди стран СНГ. В итоге к 2013 г. страна не достигла уровня собственного развития 1990 г. даже по общему объему ВВП, не говоря уже о конкретных показателях производства и уровня жизни больших групп населения.

3. Несмотря на объявленную борьбу с терроризмом, по данным национального антитеррористического комитета (НАК) за 2000 — 2009 гг., число террористических актов в стране увеличилось в шесть раз. Для сравнения: в США первый крупный террористический акт после 11 сентября 2001 г. был зафиксирован 15 апреля 2013 г.

4. Проблематичными оказались и результаты большинства «приоритетных национальных проектов». Так, например:

— приоритетный национальный проект «*Сельское хозяйство*» дал некоторые позитивные результаты (причем не только и не столько крестьянам, сколько банкам, получившим основную часть государственных средств, выделенных на субсидирование ставки по сельхозкредитам). Однако большая часть этих результатов аннулирована условиями вступления страны в ВТО;

— одним из главных последствий приоритетного национального проекта «*Образование*», ключевая идея которого заключалась в поддержке наиболее «продвинутых» образовательных учреждений, стал рост неравенства образовательных возможностей. Часть сторонников проекта вынуждены были признать, что в стране возникли школы-гетто, где сконцентрированы дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, и предложить дополнительное финансирование таких школ в целях ограничения возросшего неравенства;

— после завершения проекта «*Доступное жилье*» условия получения ипотеки в России намного хуже, чем в большинстве развитых стран. Согласно исследованию Penny Lane Realty¹, в рейтинге из 60-ти стран Россия по этому показателю заняла лишь 47-е место. В частности, российскому заемщику, получившему ипотеку, за 20 лет придется выплатить 250% кредита, тогда как датскому — лишь 111%.

«Учитывая, что среднемесячный доход на душу населения в России в 2010 г. составил 464,2 евро (18 552,6 руб.), а в Дании — 4334,9 евро, получается, что среднестатистический житель Дании тратит на ипотеку всего 13% ежемесячного дохода, в то время как среднестатистическому россиянину на ежемесячную выплату по ипотеке едва хватит трех зарплат»².

5. Программа социально-экономического развития страны, именуемая обычно «*Россия-2020*», неоднократно перерабатывалась. Однако есть серьезные основания полагать, что по причине резкого замедления темпов экономического развития, связанного с так называемой ловушкой среднего дохода, и эта программа исполнена не будет.

Еще более низкой квалификацией отличаются разработчики программ и платформ политических партий. Приведем выдержку из программы политической партии «Единая Россия», определяющей приоритет на 2004 — 2007 (!)³ гг.:

«Россия должна стать равноправным членом мирового сообщества. А это значит, что минимально допустимый уровень жизни для всего (!) населения России должен быть в среднем примерно таким же, как в странах Евросоюза. Речь идет не только о европей-

ском уровне зарплаты, но и о таком же, как в Евросоюзе, обеспечении граждан жильем, услугами здравоохранения и социальной защитой»⁴.

Поскольку последний, 2007 год, предполагавшейся реализации программы давно миновал, приведенный текст вряд ли нуждается в комментариях.

✓ *Кризис ценностей и идеологии управления*

В свое время, разрабатывая теорию рациональной бюрократии, Макс Вебер показал, что принципы организации деятельности в сфере бизнеса (в коммерческом секторе) и в некоммерческой сфере общественной жизни, включая государственное управление, по необходимости должны различаться, вплоть до полной противоположности.

Примерно ту же мысль применительно к сфере науки не раз высказывал Эрнест Резерфорд, напоминавший евангельское наставление, что нельзя одновременно служить Богу и Мамоне!

Отечественные политики от бизнеса и бизнесмены от политики, стремясь к максимальной коммерциализации общественной жизни, с неизбежностью все меньше служат «Богу» (общественным ценностям) и все больше — «Мамоне» («золотому тельцу»). Вот лишь некоторые доказательства.

По данным фонда ИНДЕМ, объем коррупционных сделок в стране в 2000 — 2007 гг. увеличился в 7,5 раз — примерно с 40 до 300 млрд долл., что сопоставимо с объемом расходов федерального бюджета. По индексу восприятия коррупции страна переместилась с 90-го места среди 146 стран в 2004 г. на 154-е место среди 178 стран в 2010 г. 143-е место среди 182 стран в 2011 г. лишь незначительно изменило общую тенденцию⁵. Неслучайно руководитель следственного комитета Александр Бастрыкин в свое время заметил, что если всерьез бороться с коррупцией, работать в госаппарате будет некому!

И если верен использованный японцами советский лозунг 1930-х «кадры решают все», то верен и обратный: неквалифицированные кадры со слабой моральной мотивацией ничего решить не способны. Но для преодоления кадрового кризиса одних только образовательных мер явно недостаточно. Например, мировой опыт показывает, что низкий уровень коррупции возможен либо при очень жестком политическом режиме сталинского типа, либо при высокой степени политической свободы, когда оппозиционные партии, независимые журналисты и гражданское общество немедленно выводят на свет провинившихся чиновников.

Однако, как представляется, корень проблемы лежит еще глубже.

Интеллигенция — как класс?

На взгляд автора, в постсоветский период мы наблюдаем стремительное исчезновение общественной группы, которая в предыдущие эпохи, начиная с середины XIX в., именовалась российской интеллигенцией.

Разумеется, речь идет не о социологическом значении этого термина, в свое время выраженном определением М. Руткевича: интеллигенция — большая социальная группа людей, занятых преимущественно высококвалифицированным умственным трудом, требующим, как правило, высшего или среднего профессионального образования⁶.

Напротив, имеется в виду его культурологическое значение, нередко сопровождаемое в иностранных энциклопедиях пометкой «русское». Оставляя в стороне продолжающиеся по этому поводу дискуссии, приведу характеристику этого культурного феномена, в свое время услышанную мною от незаурядного омского литературоведа Маргариты Яковлевой: интеллигенция начинается там, где образованные люди начинают думать о народе.

Можно спорить о том, когда возникла российская интеллигенция в таком понимании. Однако очевидно: она пережила войны, революции, смену эпох, царей и генеральных секретарей. Однако при президентах подвергается ликвидации, а, отчасти, и самоликвидации и именно потому, что в постсоветское время в стране наступила предсказанная Н. Бердяевым настоящая (т.е. примитивная, без романтических или социалистических примесей) буржуазность⁷.

Помимо приведенных выше данных из области социологии, чтения и электронных СМИ, об этом свидетельствуют, в частности, и результаты кросс-культурных исследований в 40 странах мира. Согласно этим данным, в последние десятилетия постматериальные ценности приобретают глобальное измерение. Однако они по-прежнему остаются на низком уровне в странах Южной Азии, экваториальной Африки, в бывших социалистических государствах, включая Россию (11% опрошенных)⁸.

Понятно, что одним из ключевых воплощений российского интеллигента, наряду с литератором и деятелем культуры вообще, была фигура учителя. Понятно, что стремительное исчезновение российской интеллигенции как культурного феномена не может не сказаться на ситуации в образовании, причем в сторону явного

понижения его духовной составляющей. Понятно, что одним из главных специфических проявлений изменения этой ситуации выступает следующая «переоценка ценностей»: труд в образовании, медицине и культуре интерпретируется не как служение, но как оказание услуг, наряду с трудом водителя или продавца. Соответственно такому позиционированию изменяется и отношение к педагогу студента, родителя или старшеклассника: ведь тот, кто оказывает услуги, должен восприниматься как обслуживающий персонал или просто «обслуга». Впрочем, это тема для отдельной дискуссии.

Таковы некоторые проявления *просветительских* и *контрпросветительских* тенденций в современной России, соотношение которых, на взгляд автора, складывается в пользу последних.

Разумеется, контрпросветительские тенденции — явление не специфически российское, но общемировое. Специалисты в области инвайронментальной социологии давно обсуждают вопрос: не становится ли человек в информационном обществе более дезинформированным, в том числе по причине медиазависимости? Очередное тому подтверждение — результаты упоминавшегося выше опроса в США, показавшего, что 28% американцев верят в теорию о секретном обществе, которое стремится захватить власть над миром⁹. При этом 4% американцев полагают, что власть на Земле находится под контролем огромных человекообразных ящеров, которые меняют форму и успешно изображают из себя политиков.

В России социологи относят к числу медиазависимых до трети населения. Кстати, некоторым изменением позиции СМИ объясняется и небольшое оздоровление массового сознания в последние годы. Согласно опросу «Левада-центра» 2013 г., граждане России стали немного меньше верить в чудеса, инопланетян и т.п. Сравнение 2000 г. с 2013 г. выглядит так:

- верят в приметы — 57% и 52% соответственно;
- в вещие сны — 51% и 44%;
- в предсказания астрологов — 33% и 28%;
- в то, что на Земле появляются инопланетяне — 31% и 26%;
- в «вечную жизнь» — 21% и 17%¹⁰.

При этом, согласно последнему опросу, известному автору, верующими в Бога признают себя 55% населения¹¹.

Общемировые противоречия развития информационного общества в постсоветской России многократно осложнены:

- влиянием на интеллектуальный потенциал многочисленных революционных катастроф начала 1990-х гг. (экономической, со-

циальной, духовно-нравственной и др.), часть которых не преодолена до сих пор, а некоторые даже углубляются;

- нарастающим авторитаризмом и бюрократизацией общественной жизни, включая ограничения для СМИ политической свободы в обмен на «свободу» бизнеса за счет эксплуатации низменных человеческих инстинктов;

- все более активным вмешательством конфессий в жизнь общества.

В целом постсоветский период, подобно позднеекатерининскому, а также периодам правления Николая I и Александра III, приходится признать, скорее, эпохой контрпросвещения. Во всяком случае, контрпросветительские тенденции заметно преобладают. Однако еще сложнее оказывается ситуация с духовно-нравственными аспектами образования и просвещения.

7. Дефицит духовных скреп?

Как известно, именно это выражение употребил Президент страны Владимир Путин для характеристики духовного состояния современного российского общества¹². Комментаторы отметили разностильность этого выражения, имея в виду, что слово «дефицит» относится к формально-обыденной лексике, а «духовные скрепы», говоря словами Ломоносова, к «высокому штилю».

Однако на самом деле проблема глубже: за формулировкой Президента фактически скрывается признание того факта, что из духовно-нравственной катастрофы, начавшейся в 1990-х, страна не вышла до настоящего времени. По некоторым же показателям эта катастрофа даже углубилась. Вот лишь немногие тому свидетельства.

«Российское общество, включая несовершеннолетних граждан, продолжает находиться в состоянии системного духовно-нравственного кризиса». Такой вывод делают авторы «Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности», которая обсуждалась на парламентских слушаниях в Госдуме 2 июня 2008 г. Под Концепцией стоят имена Председателя думского Комитета по делам женщин, семьи и детей Е. Мизулиной, а также Председателя Комиссии Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике А. Очировой и члена Общественной палаты РФ Е. Юрєва.

По мнению авторов документа, *«общество вплотную приблизилось к грани, за которой могут начаться необратимые процессы*

духовно-нравственной и физической деградации, фактического вырождения российского народа».

Данных, подтверждающих этот, мягко говоря, неоптимистический вывод, более чем достаточно. Приведем некоторые из них, ограничившись, в соответствии с темой нашей работы, с одной стороны, духовно-нравственным состоянием детей и молодежи, с другой — некоторыми характеристиками отношения к детям государства и общества.

Деформации психики, ценностного сознания и поведения

Начнем с дошкольного и младшего школьного возраста и вновь откроем доклад на общем собрании Российской академии образования 18 декабря 2012 г. ее вице-президента, академика Д.И. Фельдштейна, параллельно используя материалы других исследований.

Так, в 2002 — 2011 гг. число детей в возрасте до 17 лет в России сократилось с 31,6 млн до 25 млн человек¹³. При этом сокращение проходило со средней скоростью 3% в год¹⁴. В этой связи позволю себе привести комментарий известного писателя Захара Прилепина: «Число детей на одну женщину в РФ остается критически низким — 1,6.

Вопреки статистическим фанфарам подавляющее большинство русских семей как прекратили толком рожать с началом перестройки, так и не торопятся начинать заново.

Для сравнения, в 1985 г. на одну женщину приходилось 2,2 ребенка, в 1980-м — 2, в 1953-м — 3. Когда вам начинают морочить голову, что рождаемость упала уже в советские времена, — знайте, что вас элементарно разводят. Рождаемость в советские времена всегда превышала смертность, в 1975-м рожали меньше, чем в 1965-м, но в 1985-м больше, чем в 1975-м — в любом случае советские граждане обеспечивали воспроизводство населения»¹⁵.

Помимо сокращения численности, резко возрос уровень невротизации детей, 48,2% которых уже в дошкольном возрасте имеют пограничные проявления клинических форм психических нарушений¹⁶. К моменту поступления в первый класс доля психически здоровых детей составляет всего 39%¹⁷. Более 30% детей до шести лет демонстрируют агрессивный тип поведения, который является для них нормой¹⁸.

От общепсихологических показателей духовно-нравственной катастрофы перейдем к социально-психологическим и социальным. Впрочем, различие между первыми и вторыми весьма условно.

Д.И. Фельдштейн констатирует резко изменившуюся личностную направленность детей. «Например, если в 1993 г. 58 % подростков отличались альтруистическим настроем, то в... 2012 г., такой тип направленности отмечен только у 16 %, т.е. уменьшился в 3,6 раза»¹⁹. Согласно другим исследованиям, в современной России умеют сострадать мальчики лишь в возрасте до 8 лет, девочки — до 9 — 10 лет; а сорадоваться могут мальчики примерно до 7 лет, девочки же практически не умеют этого делать²⁰.

В такой ситуации вполне достоверными выглядят результаты социологического опроса, согласно которому 55% молодежи готовы преступить через моральные нормы (что называется, через все десять заповедей) для того, чтобы добиться личного успеха²¹. И это несмотря на активную пропаганду религии и фактическое сращивание православной церкви с государством!

На протяжении большей части послесоветского периода Россия оставалась страной с низким уровнем патриотического сознания молодежи. Несколько лет назад под руководством экс-министра образования Е. Ткаченко было выполнено крупное исследование. Согласно опросу 42 тыс. учащихся техникумов, ПТУ и школ, примерно 31% детей не хотели бы родиться и жить в России и еще 21,5% затруднились с ответом на этот вопрос. Другими словами: более половины опрошенной молодежи не ориентировано на свою страну²².

Примерно с середины первого десятилетия XXI в. в стране наметилось некоторое оживление национального самосознания молодежи, однако по преимуществу в форме не цивилизованного патриотизма, но ксенофобии. Согласно социологическим опросам, лозунг «Россия — для русских» в той или иной форме поддерживают более половины населения страны. Очевидно: примитивный национализм, выброс которого на улицы страна наблюдала в декабре 2010 г., является расплатой за недостаток настоящего патриотического воспитания.

Деформация ценностных ориентаций связана, естественно, с массовым распространением социально нездорового или прямо антисоциального поведения. Вот лишь некоторые данные:

- в последнее десятилетие средний возраст начала употребления наркотиков снизился с 18 до 14 лет. По данным Минобрнауки, более 5 млн детей и молодежи в возрасте 12 — 22 лет пробовали наркотики;
- соответственно, алкоголь подростки начали употреблять не с 16, а с 13 лет. На январь 2006 г. были официально признаны алкоголиками около 60 тыс. детей. Согласно специальному исследова-

нию «Лаборатории Крыштановской», проводившемся в декабре 2012 — феврале 2013 гг., «в молодежной среде слова “алкоголь” и “наркотики” стали близнецами и употребляются в подавляющем числе случаев вместе. Эта лексическая близость слов заставляет сделать вывод, что в России проблема алкоголизации населения теперь усложнена присоединением к ней дополнительной проблемы употребления молодежью наркотиков»²³. Между прочим, до начала «Второй русской революции» 1990-х гг. многие наркологи полагали, что массовое употребление алкоголя несовместимо с массовой наркоманией. Однако опыт постсоветской России «успешно» опроверг это заблуждение;

- за 10 последних лет средний возраст начала курения упал с 15 до 11 лет. Более 60% подростков курят;

- по заявлению замминистра внутренних дел Игоря Зубова на пленарном заседании Госдумы 23 января 2013 г., в России насчитывается от 150 до 450 тыс. несовершеннолетних проституток. Если учесть, что, согласно государственному докладу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 ноября 2011 г. «О положении детей в Российской Федерации»²⁴, в 2010 г. число детей 16 — 17 лет составило 3,4 млн человек; если пренебречь как сравнительно мало распространенной проституцией девочек в более юном возрасте, а также юношей, и принять в качестве более достоверного нижний показатель, названный заместителем министра внутренних дел, получается, что к «жрицам древнейшей профессии» в стране принадлежит чуть ли не каждая двенадцатая девочка старшего школьного возраста!

Все лучшее — детям?

Поскольку дети и молодежь всегда живут, формируются и действуют в условиях, созданных предшествующими поколениями, в современной России во всех подобных случаях их социальное самосознание и социальное поведение являются отражением существующих условий, которые крайне неблагоприятны как с воспитательной точки зрения, так и с точки зрения самого появления детей и воспроизводства населения.

Как уже не раз приходилось писать, контекст современной российской образовательной политики, мягко говоря, не содействует воспитанию вообще, формированию личности в детстве и юности — в особенности.

1. Чрезмерно высокий уровень социального неравенства неблагоприятен для формирования трудовой морали как по версии отечественной (православной) культурной традиции (труд как

средство самореализации и (или) служения людям), так и по версии протестантской этики (труд как условие и средство честного стяжательства, развития «цивилизованного» бизнеса).

Между тем децильный коэффициент, по официальным данным, составляет в России 16, а по данным директора НИИ Росстата Василия Симчеры — 28 — 36 раз, причем это неравенство, как правило, мало связано с личными усилиями, способностями и затратами труда. Если верить экспертам журнала «Forbes», в России 1% населения владеет 71% национального богатства, тогда как, например, в Индии — 49%²⁵.

2. Широкое распространение бедности и малообеспеченности неблагоприятно для развития личности как в смысле доступа к информации (книги, Интернет, путешествия), так и в смысле фрустрации, комплексов неполноценности и т.п. Еще Аристотель вполне обоснованно полагал лучшими гражданами представителей «среднего класса», но не бедных и не супербогатых. Между тем в России «средние слои» составляют 20 — 25% населения против 60% и более в развитых странах.

Появление детей в российской семье резко повышает ее шансы оказаться за чертой бедности. Так, Председатель Комитета по делам женщин, семьи и молодежи Е. Лахова на заседании Госдумы 15 июня 2005 г. заявляла, что 22 из 30 млн российских детей проживают в семьях с доходом ниже прожиточного минимума. После этого ситуация улучшилась, но не принципиально. В упоминавшемся уже государственном докладе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 17 ноября 2011 г. «О положении детей в Российской Федерации» приводятся данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в 2009 г., согласно которым семьи с детьми в возрасте до 16 лет составляют 54,6% общей численности домохозяйств с уровнем располагаемых ресурсов ниже величины прожиточного минимума (в 2007 г. — 49,3%)²⁶.

При этом, согласно докладу, «наивысшие уровни риска и глубины бедности характерны для многодетных и неполных семей. Так, располагаемые ресурсы в домохозяйствах, имеющих одного ребенка в возрасте до 16 лет, в 2009 г. составили 11 314,4 рубля на человека, что в 2,7 раза выше, чем в домохозяйствах с четырьмя детьми и более. Располагаемые ресурсы наименее обеспеченных многодетных семей в 2009 г. составили 33,6% от уровня располагаемых ресурсов в целом по домохозяйствам» (другими словами, многодетные семьи в среднем втрое беднее обычных).

«По экспертным оценкам, около 23% детей проживает в семьях, испытывающих трудности с обновлением одежды и обуви и доступом к медицинской помощи и лекарствам, 16% детей проживают в семьях, вынужденных ограничивать питание. В некачественном жилье живет практически каждый пятый ребенок, в том числе каждый третий ребенок в возрасте до одного года»²⁷.

3. Отечественная информационная среда, в особенности формируемая электронными СМИ, крайне неблагоприятна не только для развития интеллекта, но в еще большей степени — для духовно-нравственного состояния общества, в особенности детей и молодежи.

Хотя в последние годы частота и варварство сцен насилия и деэротизированного секса на телеэкранах существенно снизились, даже В. Путин признавал, что в России в открытом эфире показывают то, что на Западе — только по специальным каналам. Между тем в свое время американские социологи отмечали, что подобного рода «массовая культура» отвечает примерно за половину всех преступлений в стране.

В 2011 г. в отношении детей совершено почти 90 тыс. тяжких преступлений²⁸. За последние 10 лет количество преступлений, связанных с педофилией, в ряде регионах выросло в 3 — 5 раз²⁹.

Несмотря на все меры по поддержке детей и семей с детьми, принимаемые после 2006 г., по большому счету отечественная государственная политика остается «бездетной». А ответом на «бездетную» политику становится «политическая бездетность». Она объясняется не только экономическими и социальными причинами: в конце концов, в бедных семьях среднестатистически больше детей. Существуют очевидные причины духовно-идеологического характера, свидетельствующие о духовно-нравственном кризисе в обществе вообще и в отношении детей — в особенности. Воспитанные в духе примитивного гедонизма и конкурентного индивидуализма молодые люди, понимая, что дети лишают их части жизненных удовольствий, не хотят брать на себя ответственность ни за собственное будущее, ни за будущее страны. Отсюда и установка на бездетность или на минимизацию числа детей. Пр процитирую еще раз З. Прилепина:

«В нашей стране совершается около 1 миллиона 200 тысяч аборт в год. Причем официальная статистика не учитывает тех аборт, которые проводятся вне стационаров или в полупоулегальных клиниках. Реальное число аборт в России может кратно превышать данные официальной статистики и составлять до пяти миллионов в год.

... даже сталинские репрессии в этом смысле не были бы способны составить реальную конкуренцию нашему гигантскому абортарию.

Если верить данным Росстата, за последние 20 лет в России вследствие абортот не родились на свет более 40 миллионов детей»³⁰.

Согласно недавнему социологическому исследованию Центра социально-политического мониторинга РАНХ и ГС при президенте РФ, даже среди женщин, находящихся в официальном браке, 64% не хотят иметь больше детей, чем имеют; 15% готовы были бы завести ребенка, если бы не пришлось «плодить нищету»; и только 11% намерены увеличить число детей при любых обстоятельствах.

Согласно другим данным, десять лет назад доля российских женщин самой продуктивной группы (18 — 34 года) из тех, кто не имеет детей и не желает обзаводиться ими, составляла 24%.

Одного ребенка планировали иметь 42% российских женщин. 31% — двух детей и только 3% — троих и более³¹.

«Гражданам России надо, наконец, максимально доходчиво объяснить: рождение детей — это не только “личное дело”.

24% женщин и их чудесных спутников, которые выбрали бездетную жизнь, как минимум должны осознавать, что старость им будут обеспечивать дети тех, к примеру, 3% женщин, которые зачем-то выбрали родить троих детей»³².

Соглашаясь с известным писателем в принципе, должен заметить: «объяснить» российским женщинам и мужчинам необходимость иметь детей наверняка не удастся. Помимо наращивания экономических и социальных преимуществ в семьях с детьми, необходимо принципиальное изменение общественной ментальности.

В социалистический период это было успешно произведено, например, в Чехословакии. В этой стране, с одной стороны, погашение кредита на жилье было прямо увязано с числом детей в семье: при появлении третьего ребенка кредит погашался полностью. С другой же стороны, телевидение и радио усиленно пропагандировали образ молодой мамы в качестве прекрасной женщины (некий аналог Мадонны) и образ многодетной семьи в качестве примера для подражания.

Таким образом, если тенденции интеллектуального развития детей и молодежи в современной России можно оценить как противоречивые (на взгляд автора, с преобладанием деградации), то доминирование разрушения духовно-нравственных основ со-

циальной жизни по сравнению с их возрождением вряд ли подлежит сомнению.

Очевидно за редчайшим исключением, дети и молодежь не могут вырваться из рамок условий, созданных старшими поколениями. А потому преодоление духовно-нравственного кризиса в детско-юношеской среде возможно лишь при условии выхода из духовно-нравственной катастрофы, начавшейся на рубеже 1990-х гг. и продолжающейся до настоящего времени. А это, в свою очередь, требует иной экономической, социальной, образовательной и информационной политики.

8. Попытка обобщения

Попытаемся суммировать приведенные выше противоречивые данные и предложить некоторое их обобщение.

1. Одна из основных характеристик любой социально-политической революции состоит в том, что она представляет собой серию множественных катастроф. Российская революция первой половины 1990-х гг. в этом смысле исключением не является. Тот факт, что она сопровождалась крупнейшей (или одной из крупнейших) геополитической катастрофой XX в., в свое время был признан даже в президентском послании Владимира Путина Федеральному Собранию РФ 25 апреля 2005 г.³³

2. С точки зрения образовательных последствий данной революции, наиболее важными являются две катастрофы: интеллектуальная и духовно-нравственная.

3. Интеллектуальная катастрофа формировалась, главным образом, факторами, находящимися за пределами системы образования. Более того, благодаря инерционности этой системы, она началась позднее большинства других катастроф (включая экономическую, финансовую и социальную). Однако по причине все той же инерционности образования продолжительность интеллектуальной катастрофы может оказаться существенно большей по сравнению с экономическими процессами.

4. Применительно к системе образования одна из главных характеристик интеллектуальной катастрофы состоит в том, что она наименее выражена в начальной школе и постепенно нарастает к более высоким уровням образования. Соответственно, и признаки выхода из этой катастрофы начались именно с первой школьной ступени (см. результаты PIRLS 2001 и 2011 гг.).

Говорить о том, что страна в настоящее время вышла из интеллектуальной катастрофы в целом, явно преждевременно. Более того, в образовательной политике в широком смысле этого слова,

очевидно, преобладают не просветительские, но контрпросветительские тенденции, включая насаждение архаических форм религиозности. Неслучайно бывший советник Руководителя Администрации Президента РФ и в свое время один из идеологов политического режима Глеб Павловский не без оснований назвал современный российский режим антимеритократическим³⁴.

5. Поскольку базовой характеристикой любой революции как исторической ситуации является аномия, т.е. радикальное разрушение прежней системы норм и ценностей, духовно-нравственная катастрофа началась одной из первых и едва ли не опережала другие. Выход же из нее, как свидетельствуют данные социологии и статистики, до настоящего времени фактически не начался.

6. В политологической, социологической и педагогической литературе продолжают дискуссии на тему о том, чему более способствует современная российская образовательная политика: преодолению интеллектуальной и духовно-нравственной катастроф либо их консервации и даже углублению. Автор остается убежденным сторонником позиции, согласно которой для преодоления катастрофы требуется другая образовательная политика, новый курс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крючков М., Зубченко Е. Квартирный ответ. «Доступное жилье» становится все более недоступным для россиян // Новые известия. 2011. 30 мая.

² Там же.

³ Восклицательные знаки принадлежат автору.

⁴ Предвыборная программа политической партии «Единая Россия», утвержденная решением III съезда партии 20 сентября 2003 г. Раздел «Наши приоритеты на 2004 – 2007 гг.».

⁵ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8

⁶ См.: Руткевич М.Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1977.

⁷ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. С. 119 – 120.

⁸ См.: Дилигенский Г.Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 7. С. 8.

⁹ См.: URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2013-04-03-41677>

¹⁰ См.: URL: <http://www.levada.ru/18-03-2013/rossiyane-stali-menshe-verit-v-potustoronnee>

¹¹ Исследовательский Холдинг Ромир в январе 2012 г. провел на территории России опрос о религиозной самоидентификации, на основании результатов которого были построены индексы религиозности и атеизма. Исследование проводилось в рамках ежегодного глобального международного опроса Ассоциации

Gallup International/WIN «Глобальный Барометр Надежды и Отчаяния» («Global Barometer on Hope and Despair»). Одновременно опрос был проведен в 59 странах мира, охватив большую часть населения земного шара (порядка 70%).

¹² См.: URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118>

¹³ См.: *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века // Доклад на общем собрании РАО. 18 декабря 2012 г. – М., 2013.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ *Прилепин З.* Облом с беби-бумом // Советская Россия. 2013. 18 апреля. № 42.

¹⁶ См.: *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века.

¹⁷ См.: Больных детей становится больше // Учительская газета. 2012. 21 августа. С. 7.

¹⁸ См.: *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. там же.

²¹ См.: *Смолин О.Н.* Духовно-нравственная катастрофа: симптомы и диагноз // Вести образования. 2008. 1 – 15 июня. № 11. С. 2.

²² См.: Воспитательная работа в новых условиях (опыт учреждений профессионального образования). Науч.-метод. сборн. / авт.-сост. И.П. Смирнов, Е.В. Ткаченко. – М.: Изд. отдел НОУ ИСОМ, 2003. С. 26.

²³ URL: <http://gefter.ru/archive/8369>

²⁴ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55087983/>

²⁵ См.: Global Wealth Report. Октябрь 2012 г.

²⁶ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55087983/>

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Фельдштейн Д.И.* Проблемы психолого-педагогических наук в пространственно-временной ситуации XXI века.

²⁹ См. там же.

³⁰ *Прилепин З.* Облом с беби-бумом.

³¹ См. там же.

³² Там же.

³³ См.: URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml

³⁴ См.: Передача «Ищем выход...» // Радио «Эхо Москвы». 2013. 7 января.